

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МОСКОВСКИЙ ФИЛИАЛ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

ЭТНОКОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

(ГЕОГРАФИЯ, ДИНАМИКА, МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ)

<<<<<<>>>>>>

МОСКВА 1989

Редакционная коллегия: Е.М. Поспелов (председатель),
Д.В. Борисевич, А.Г. Воронов, Н.А. Гвоздецкий,
В.М. Котляков, Н.П. Матвеев, Г.Г. Меркулова,
А.В. Постников, А.Е. Слука.

Редактор выпуска: И.И. Крупник

Сборник составлен по материалам тематического цикла докладов и сообщений, проведенного комиссией этнографии МГО в 1987-1989 гг. Он продолжает серию публикаций комиссии, посвященных этнографическому и историко-культурному изучению населения Европейской части СССР, межнациональным отношениям, этническим контактам. В издание включены статьи по этнокультурной истории русских, украинцев, немцев, евреев, крымских татар, ногайцев, других народов; региональные обзоры этнических контактов для территории Поволжья, Украины, Северного Причерноморья. Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся проблемами этнической географии и демографии, динамики межнационального и культурного взаимодействия народов СССР.

© Московский филиал Географического общества СССР (МГО), 1989

ЭТНОКОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

(вместо предисловия)

Нынешний сборник - четвертый в серии выпусков комиссии этнографии МГО, подготовлен по материалам одноименного цикла докладов и сообщений, прочитанных в 1986/87-1988/89 гг. Он завершает почти десятилетний период работы комиссии по историко-культурному и этногеографическому изучению народов Европейской части СССР, начатый в 1980 г. Предыдущие выпуски этой серии: "География и культура этнографических групп татар в СССР" (1983), "Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР" (1985) и "Этнические группы в городах Европейской части СССР" (1987) - давно стали библиографической редкостью. Сборник, который мы теперь предлагаем читателю, продолжает и в известной степени суммирует результаты всей этой работы.

Логика развития четырех тематических циклов и сборников комиссии этнографии за эти десять лет очевидна. Начатое нами детальное изучение одной (пусть и очень широко расселенной) этноязыковой общности показало значение этнических контактов в становлении культуры, исторической традиции, внутренней дифференциации любого этноса. Естественным было далее рассмотреть эти процессы в комплексе: сначала на примере национальных меньшинств - малых или рассеяно (дисперсно) живущих этносов, а затем на примере этнических групп в городах, где образуется особая компактная среда смешанного расселения и постоянных контактов. И, наконец, следующим логическим шагом стало целенаправленное изучение этнокультурных процессов в зонах "стыка", исторического соприкосновения народов, то есть в ареалах наиболее активного межэтнического взаимодействия.

Так появились "этноконтактные зоны" - новое понятие для советской этнографии и этнической географии. Этот термин (предложенный одним из инициаторов цикла Н.В. Юхнёвой) удачно отражает и новый взгляд на этническую карту нашей страны, историю формирования культур живущих здесь народов. Как известно, до сих пор этнографы, этногеографы, картографы пользовались терминами "этнические границы", "этнические ареалы", "территории смешанного расселения", то есть как бы фиксировали факт соседства или совместного проживания этносов на одной территории. "Этноконтактная зона" -

ции и превращали их жизнь в ад"¹⁰. Следует отметить, что полицейские чиновники наживались и на выдаче эмиграционных паспортов ногайцам, беря вместо 2 рублей за паспорт по 25 рублей и более.

Прощание с родиной, с русскими, украинскими и немецкими соседями вылились для таврических ногайцев в подлинную драму. По ногайским аулам стоял плач женщин и детей, ногайцы с рыданиями прощались с родными очагами и могилами предков на родовых кладбищах.

Таврические ногайцы выселились из России в Турцию в течение шести месяцев, с конца апреля по октябрь 1860 г. Всего эмигрировало около 50 500 чел., что составляет 25 % всех мусульман, переселившихся в Турцию с согласия и при активном содействии царского правительства. Турецкие власти расселили крымских татар в Добруджу, а таврических (и часть кавказских) ногайцев - в Малой Азии.

Потомки таврических (вернее - северопричерноморских) ногайцев в настоящее время перемещались с кавказскими ногайцами, среди которых до сих пор существует подразделение на джамбулукцев, джетьшкульцев, джетьсанцев и т.д.¹² Потомки буджакских ногайцев, в значительной степени смешавшиеся с прибывшими сюда после Крымской войны крымскими татарами, живут по сей день в Добрудже¹³.

В 1967 г. с карты Запорожской области исчезло последнее свидетельство пребывания на этих землях ногайцев - город Ногайск переименован в г.Приморск.

¹ Описание Крыма Мартина Броневского // ЗИООИД. Т. VI. 1867.

² Там же.

³ См.: Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де-Люка, монаха доминиканского ордена (1625 г.) // ЗИООИД. Т. XI. 1879.

⁴ Дневник путешествия в Южную Россию академика Санкт-Петербургской Академии наук Гильденштедта в 1773-1774 г. // Там же. Т. XI. 1879.

⁵ Скальковский А.А. О ногайцах // ЖМНП. 1843, кн. 11. С. 151.

⁶ Сергеев А. Ногайцы на Молочных Водах (1790-1832 гг.). Симферополь, 1912. С. 17.

⁷ Там же. С. 20-21.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Сергеев А. Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 году. Симферополь, 1912. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ Там же. С. 25.

¹² Устная информация автору деятеля ногайской культуры Сраждина Самадиновича Батырова /Дагестанская АССР/ осенью 1988 г.

¹³ См.: Enver Mahmut. Nogaii dobrogeni si dialectul lor // Analele Universitatii Bucuresti. Limbi clasice si orientale. Anul XIII. 1964. P. 319-336; Bozcügüt. Dobruca tatar masallari. 1-ci kitap // Toplagan, kaytabastan anlatkan hem azir legenler Nedret Mahmut, Enver Mahmut. Bucuresti: Kriteyon kitap tiyü. 1988. S. 5.

М.С.КУПОВЕЦКИЙ

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КРЫМЧАКОВ

Неоднократные радикальные изменения в составе населения и традиционно высокая интенсивность межэтнических контактов наложили глубокий отпечаток на этническую историю Северного Причерноморья. В этом смысле достаточно типична этническая история крымчаков, издавна расселенных в данном регионе.

Проблема происхождения крымчаков

Одним из наиболее дискуссионных вопросов этнической истории крымчаков остается проблема их происхождения. На этот счет существует три основных точки зрения. Согласно первой, высказанной еще в 60-х гг. XIX в. П.М.Лякубом и А.Я.Гаркави, крымчаки являются потомками евреев, издавна селившихся в Северном Причерноморье¹. В 1912 г. С.А.Вайсенберг на основе материалов по сравнительной антропологии крымчаков и, исходя из идеи широкого иудейского протопитизма в Хазарском каганате, выдвинул гипотезу их смешанного еврейско-хазарского происхождения². Наконец, в 1965 г. антрополог В.Д.Дяченко высказался за преимущественно автохтонное происхождение крымчаков, утверждая, что они сформировались, очевидно, на базе "древнего местного населения, которое приняло иудейскую религию, с позднейшим смешением, вероятно, хазарского, еврейского, итальянского и частью татарского элемента..."³. Несмотря на то, что В.Д.Дяченко никак не аргументировал свое сформулированное в крайне осторожной форме мнение, именно оно нашло отражение в последнем издании Большой Советской Энциклопедии⁴.

Как показывает перечень этих точек зрения, все исследователи так или иначе связывают происхождение крымчаков с этнической историей последователей иудаизма в Северном Причерноморье. Основные

разногласия концентрируются на роли иудейских прозелитов из среды местного населения в процессе формирования крымчаков, а также на проблеме сохранения непосредственной генетической преемственности между евреями-раббанитами позднесредневекового Крыма и еврейским населением античного Боспора.

Эпиграфические памятники свидетельствуют о существовании в Северном Причерноморье еврейских общин уже в I в. н.э.⁵ Вероятно, миграция евреев в этот регион началась не позднее I в. до н.э., когда после Митридатовых войн заметно расширились контакты между Боспором и Малой Азией, где с III в. до н.э. имелось еврейское население⁶. Появление еврейских мигрантов из Малой Азии, вероятно, стимулировало распространение иудейского прозелитизма на Боспоре. Эпиграфические свидетельства этому датируются I-III вв. н.э.⁷

Можно предположить, что процесс слияния прозелитов из числа местного населения и эллинизированных евреев, поселившихся на Боспоре, протекал достаточно интенсивно в силу религиозной, языковой и культурно-бытовой близости. Особенности иудаизма как сугубо национальной религии евреев способствовали формированию у прозелитов комплекса этнических черт, характерных для всей эллинизированной еврейской диаспоры.

Наиболее поздние памятники эллинизированной иудейской эпиграфики в Северном Причерноморье датируются IV в. Это давало повод предположить, что местные еврейские общины могли исчезнуть в результате разрушительного гуннского завоевания конца IV в. и активной христианизации IV-VI вв. Однако недавние находки еврейской эпиграфики V в. в Херсонесе и результаты археологических раскопок указывают на маловероятность полного исчезновения еврейского населения Северного Причерноморья в конце античной эпохи⁸.

Так или иначе, византийский хронист конца VII в. Феофан свидетельствует о многочисленном еврейском населении в районе Фанагории. На это же указывают анепиграфические памятники на Таманском полуострове, датируемые периодом раннего средневековья⁹. Скорее всего, многочисленность еврейского населения Северного Причерноморья в VII-IX вв. была связана с несколькими волнами еврейской миграции из Византии, вызванными прежде всего религиозными преследованиями¹⁰.

В конце VII в. значительная часть Северного Причерноморья попадает в сферу влияния Хазарского каганата, правящие слои которого

в VIII в. принимают иудаизм. Это событие несомненно стало важной вехой этнической истории местного еврейского населения. Как и в античную эпоху, в VIII-X вв. в еврейские общины Северного Причерноморья, видимо, усилился приток прозелитов. Это были тюркоязычные хазары, ираноязычные аланы, представители других этнических групп Хазарского каганата, среди которых в XI-X вв. получил распространение иудаизм. Одновременно возросла иммиграция евреев из Византии и стран Арабского халифата¹¹. Центром еврейской диаспоры в Северном Причерноморье при этом оставался район Фанагории.

К сожалению, сведения о еврейском населении Северного Причерноморья в период между падением Хазарского каганата и монголо-татарским завоеванием весьма скудны. Известно лишь, что евреи жили тогда в Херсонесе и Сугдее (Судаке). Скорее всего, они же фигурируют под этнонимом "козары" в Тьмутаракани (Матархе) в конце XI в. В конце XII - первой половине XIII в. в Северном Причерноморье сохранялись и группы иудейских прозелитов регористского толка из числа местного населения¹². В период монголо-татарского завоевания они, вероятнее всего, были уничтожены или слились с завоевателями. Не исключено, что какая-то их часть осела в горах или укрылась в труднодоступных горных районах Крыма, менее всего пострадавших во время завоевательных походов монголо-татар. Именно здесь (Матарха, Кафа, Солхат, Азак, Мангуп, Кырк-Ер) в последующий период сохранялись еврейские общины.

На наш взгляд, именно период между концом X в. и серединой XIII в. был определяющим в процессе становления группы, известной в настоящее время как "крымчаки". Представляется, что одним из основных факторов этого стало окончательное размежевание между приверженцами талмудизма, или ортодоксального иудаизма и сектантами-караимами. Во всяком случае, это фиксируется в караимских письменных источниках не позднее второй половины XIII в., где сторонники талмудизма в Солхате фигурируют как "раббаниты"¹³. Кстати, еще в середине XIX в. крымские караимы называли крымчаков именно "крымскими раббанитами".

В структуре еврейской диаспоры XI-XIII вв. раббаниты Северного Причерноморья могли выделяться наличием в их среде носителей тюркского языка. Согласно последним лингвистическим реконструкциям, предки крымчаков вполне могли усвоить тюркский язык еще до середины XIII в.¹⁴ На это же указывают и кыпчакские архаизмы,

сохранившиеся в языке крымчаков, а также их традиционные названия дней недели, сходные с таковыми у караимов, карачаевцев, балкарцев и чувашей, но резко отличные от крымско-татарских¹⁵. Поскольку карачаевцы, балкарцы и чувашаи считаются потомками дотатарского тюркского населения Восточной Европы, это также может свидетельствовать о возможной частичной тюркизации еврейского населения Северного Причерноморья еще до середины XIII в.

Скорее всего, в рассматриваемый период различия между раббанитами и караимами Северного Причерноморья носили преимущественно конфессиональный характер. Тогда имеет смысл принять во внимание, что в середине XIII в. караимы из Северного Причерноморья мигрировали в Галич, где практически в изоляции от остального тюркоязычного мира сохраняли свой тюркский язык¹⁶. Это может быть еще одним косвенным доводом в пользу тюркоязычия евреев (как раббанитов, так и караимов) Северного Причерноморья до середины XIII в.

Таким образом, именно период между концом X и серединой XIII в. можно, видимо, считать основной "критической точкой" в процессе становления тюркоязычной общности крымских евреев-раббанитов. Это, впрочем, не исключает возможности сохранения среди местного еврейского населения грекоязычного большинства, как и наличие групп, говоривших на персидском, арабском и других языках.

Евреи-раббаниты Северного Причерноморья в позднем средневековье

После монголо-татарского завоевания в Северном Причерноморье стали возникать фактории венецианских и генуэзских купцов, превратившие местные города в крупные транзитные центры на торговых путях между Европой и Азией. Порожденный этим экономический подъем региона привлек новых еврейских мигрантов. Вероятно, приток евреев в Северное Причерноморье в тот период носил перманентный характер. Сюда переселялись евреи из Византии, Италии, стран Ближнего Востока, игравшие видную роль в международной торговле XIII-XV вв.¹⁷

Во второй половине XV - XVI вв. Крым привлекал евреев и как регион, где они пользовались относительной религиозной свободой. Так, в 1495 г. здесь осели германоязычные евреи-ашкеназы (а, возможно, также и остатки славяноязычных евреев-ханаанитов), изгнанные из Великого княжества Литовского¹⁸. После захвата турками-

османами в конце XV в. южной части Крыма туда в XVI в. докатилась волна испаноязычных евреев-сефардов, изгнанных в конце XV в. с Пиренейского полуострова и осевших преимущественно в пределах Османской империи¹⁹.

Миграция в Крым отдельных семей сефардских и итальянских евреев из Турции продолжалась и позднее, вплоть до XIX в. Судя по распространенным среди крымчаков фамилиям, в Крыму селились евреи из Грузии и других регионов Кавказа, а также из Персии и Восточной Европы²⁰. Среди последних подавляющее большинство составляли пленные, которых захватывали крымские татары и ногаи во время своих многочисленных набегов на украинские земли²¹. Следы сложной истории формирования местных раббанитских общин в период позднего средневековья нашли отражение в ономастиконе современных крымчаков, как и в своеобразии их антропологических и генетических характеристик²².

Особенности социального и этнокультурного развития Северного Причерноморья в XIV-XVIII вв. все же ставят под сомнение предположение о распространении иудейского прозелитизма среди местных христиан и мусульман, в частности итальянцев и татар. Представляется, что лишь отдельные немногочисленные группы, сохранявшие языческие или синкретические верования, могли тогда переходить в иудаизм. Так, в турецком налоговом реестре (*дефтере*) Кефе (Феодосии. - М.К.) 1542 г. фигурируют три домохозяйства черкесов-иудеев из селения Отуз²³.

В золотоордынский период небольшие группы евреев широко расселились по Северному Причерноморью от Монкастро (Аккермана) и Килии на западе до Азака (Таны) на востоке. Однако, после разрушения Таны и Матархи (Матреги) войсками Тимура в конце XIV в., упадка Солхата в XV в. и разрушения турками-османами Мангупа в 1475 г. единственная значительная община евреев-раббанитов сохранилась в Кефе (Феодосии). В первой половине XVI в. начался процесс переселения большинства ее членов в Карасубазар - крупный торгово-экономический центр Крымского ханства, где согласно турецкому путешественнику Эвлия Челеби уже в середине XVII в. имелась многочисленная еврейская община²⁴. На протяжении всего последующего периода существования Крымского ханства Карасубазар оставался основным центром евреев-раббанитов Северного Причерноморья. К концу XVIII в. небольшие группы тюркоязычных евреев-раббанитов

жили также в Кефе, Эски-Крыме (Солхате), Мангупе, Бахчисарае, Тамани и Темрюке²⁵.

Относительная немногочисленность, наличие тюркоязычного ядра еще в период, предшествовавший монголо-татарскому завоеванию, языковая неоднородность новых иммигрантских групп объективно способствовали усвоению евреями-раббанитами Крыма языка окружающего татароязычного большинства. Аналогичные процессы со второй половины XIII в. протекали и среди других этнических меньшинств региона, в частности среди крымских армян²⁶.

В XV-XVIII вв. евреи-раббаниты Крыма были расселены преимущественно в ареале становления среднего (Карасубазар, Эски-Крым) и южнобережного (Кефе) диалектов крымскотатарского языка. На основе интерференции этих диалектов, языка евреев-тюркофонов Северного Причерноморья домонгольского периода, других языков, бытовавших в еврейских общинах региона, а также древнееврейского как языка культа, литературы и деловой переписки сложился своеобразный идиом, определяемый как "крымчакский этнолект крымскотатарского языка"²⁷. В еврейской литературе евреев-раббанитов Крыма XVIII в. он был известен как *leşon tatar*, *leşon turki* (татарский, турецкий язык), а в XIX в. использовался и термин *leşon çagatai* (чагатайский язык)²⁸. Крымчакский этнолект наиболее близок среднему диалекту крымскотатарского языка и этнолекту крымских караимов²⁹. Хотя этот вывод сделан на основе современного языкового материала, представляется достаточно корректным интерполировать его и на период позднего средневековья.

Наиболее ранние образцы письменных памятников разговорного тюркского языка евреев-раббанитов Крыма дошли до нас в составе рукописного молитвенника "Хазания" (начало XVIII в.). Это переводы молитв, обязательных для женщин или наиболее сложных для понимания. К концу XVIII - началу XIX в. относятся рукописные сборники фольклора *джонкалар*, записанные еврейской графикой.

Что же касается древнееврейского языка, то среди крымских евреев-раббанитов его знали преимущественно религиозные лидеры - *хахамы*. Некоторые литературные памятники на этом языке, созданные в среде крымских евреев-раббанитов (теологические трактаты и исторические хроники), сохранились до настоящего времени. Древнейший из них - комментарий на Пятикнижие "Язык истины" принадлежит Аврааму Кирими (XIV в.).

Реконструкция произношения древнееврейского языка у раббанитов Крыма показывает его своеобразие и отличие как от ашкеназского, так и от сефардского вариантов. Причина этого кроется в суперстратном влиянии тюркского разговорного языка, что сближает его с произношением древнееврейского языка крымских караимов³⁰.

К сожалению, сохранились лишь отрывочные описания материальной и бытовой культуры евреев-раббанитов Крыма в период позднего средневековья. Но возможна реконструкция на основе многочисленных наблюдений, относящихся к XIX - началу XX в. Их анализ показывает весьма глубокую степень аккультурации с окружающим крымскотатарским населением. Это проявлялось в характере застройки жилищ, одежде, кухне, некоторых обрядах и обычаях, фольклоре³¹.

Еще один важный аспект этнического развития евреев-раббанитов Крыма в рассматриваемый период, это характер их взаимоотношений с крымскими караимами. Последние численно заметно преобладали, составляя к концу XVIII в. около 75% всего еврейского населения Крымского ханства, насчитывавшего в 1783 г. более 3 тыс. человек³².

Насколько позволяют судить источники, вплоть до первой половины XIX в. крымские раббаниты и караимы осознавали себя частями одного этноса, хотя между ними часто возникала полемика по теологическим вопросам. В то же время сохранились сведения о тесной взаимопомощи в различных областях. Характерно, что обе общины координировали свои усилия при выкупе пленных евреев, попадавших на невольничьи рынки Крыма³³. Известно также о неоднократных случаях выпуска религиозной литературы раббанитов в караимской типографии в Чуфут-Кале.

Основу консолидации евреев-раббанитов, селившихся в XIV-XVIII вв. в Крыму, составляла иудейская религиозная община с разветвленной и хорошо организованной системой различных учреждений. Как и в других регионах средневековой еврейской диаспоры, община у крымских евреев-раббанитов кроме чисто религиозных функций выполняла роль основного гаранта социальной защищенности ее членов.

Но такая ситуация существовала не всегда. Сохранилось известие об общинном кризисе в Кефе в конце XIV - начале XVI в., когда обострились отношения между последователями вавилонского, романского и ашкеназского ритуалов в ортодоксальном иудаизме³⁴. Вероятно, этот конфликт носил не только чисто религиозный характер,

но отражал более глубокие противоречия между старожильской частью общины, выходцами с Ближнего Востока, из стран Средиземноморья, Византии и Восточной Европы. Путем выработки компромисса кризис был преодолен, отразив примат единства этнорелигиозных интересов различных групп. На этнокультурном уровне это положило начало формированию особого синкретического иудейского ритуала в Крыму, окончательно сложившегося в XVI-XVII вв. под заметным сефардским влиянием и получившего название "Минхаг Кафа" (Обряд Кафы) ³⁵.

Особенности этнического развития крымчаков в XIX-XX вв.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. тюркоязычные евреи-раббаниты долгое время сохраняли крайне замкнутый образ жизни, практически не вступая в контакт с новыми властями. Сосредоточенные в отдельных кварталах Карасубазара и Феодосии, они весьма неохотно контактировали и с евреями-ашкеназами, мигрировавшими в Крым из западных губерний России. По мере роста числа новых мигрантов в Карасубазаре возникла самостоятельная ашкеназская община, располагавшая с 1817 г. собственной синагогой.

За исключением отказа от многоженства до второй половины XIX в. не наблюдалось и каких-либо существенных изменений в этнокультурном облике евреев-тюркофонов, продолжавших ориентироваться на сложившуюся в период существования Крымского ханства систему обычаев и традиций. Вероятно, именно это заставляло их отвергать навязываемых властями казенных раввинов из числа ашкеназов и всячески стремиться к приглашению хахамов-сефардов из Турции. В 1866 г. хахамом Карасубазара стал сефард Хаим Хизкияу Медини, который занимал этот пост вплоть до 1899 г. С его деятельностью связаны заметные сдвиги в системе общинного устройства, повышении образовательного и общего культурного уровня крымчаков в последней трети XIX в. Медини ввел также существенные новации сефардского толка в религиозный ритуал общины.

В правовом отношении тюркоязычные евреи Крыма подвергались практически тем же драконовским ограничениям, что и остальное еврейское население Российской империи. Их попытки, вслед за крымскими караимами добиться некоторых льгот, успехом не увенчались. Интересно, что основной мотивировкой при этом были ссылки на значительные этнокультурные отличия от ашкеназов. В то же время тюр-

коязычные евреи-раббаниты активно выступили против известного караимского общественного деятеля и собирателя древностей А.С.Фирковича, стремившегося доказать их караимское прошлое ³⁶.

Так или иначе, у властей возникла необходимость как-то дифференцировать эту своеобразную группу еврейского населения. Возможно, именно таким образом в одном из указов 1859 г. и появился термин "евреи-крымчаки". По мнению М.С.Полинской он был калькой с крымско-татарского *jaħudiler qirimča* (евреи на крымский лад) ³⁷. Так могли представить русской администрации евреев-тюркофонов, не знавших русского языка, татарские чиновники, к которым обратились за консультациями. Как известно, в ярлыках крымских ханов раббаниты, как и караимы, фигурировали под термином *jaħudiler* (евреи). На уровне повседневного общения в крымско-татарской среде использовался имевший пейоративную окраску термин *zelifnin şifut* (еврей с пейсами). В качестве самоназвания традиционным был этноним *srel' balalari*, т.е. тюркская калька с древнееврейского *beni Israel* (дети Израиля). Этноним *beni israelyi* упоминается в обращении, написанном квадратным еврейским курсивом Раши на крымско-татарском языке, императору Александру 1 в 1818 г. ³⁸

В последней трети XIX - начале XX в. административный термин "евреи-крымчаки" был постепенно усвоен раббанитами Крыма в качестве эндоэтнонима, но в более упрощенной форме *qrimčax* (крымчак).

Заметное снижение уровня смертности при сохранявшейся высокой рождаемости привело к резкому росту численности группы с 2,2 тыс. в 1870 г. до 7 тыс. в 1913 г. Наряду с развитием капиталистических отношений, демографический взрыв объективно способствовал началу радикальных изменений этнокультурного облика крымчаков. Поскольку в Карасубазаре, где они занимались преимущественно мелким ремесленничеством, образовался значительный избыток рабочих рук, многие семьи стали переселяться в более крупные экономические центры Крыма и даже за его пределы. В результате, к 1913 г. в Карасубазаре осталось лишь около трети всех крымчаков (в 1870 г. - более 90%). Перед первой мировой войной свыше 20% крымчаков было сосредоточено в Симферополе и еще около 30% в Керчи, Феодосии, Севастополе и Евпатории ³⁹.

Как следствие, была в значительной степени утеряна компактность в расселении. Это повлекло за собой деформацию традиционного общинного устройства, других устоявшихся социальных связей.

Возросла степень включенности крымчаков в заметно изменившуюся в течение XIX в. этническую структуру городского населения Крыма. При этом крымчаки столкнулись с социальными и культурными нормами жизни русскоязычного населения, в массе им мало знакомой.

В целях более успешной адаптации на первый план выдвинулась проблема овладения русским языком, не стоявшая столь остро в Карасубазаре с его преимущественно крымскотатарским населением. Существовавшая с конца 60-х гг. XIX в. система традиционного еврейского образования на крымскотатарском языке совершенно не отвечала новым условиям. Решение было найдено в создании для крымчаков русскоязычных начальных школ в Симферополе (1902 г.) и Карасубазаре (1907 г.).

Признаком новых веяний стала и попытка издания в Карасубазаре газеты "Газетхаберлери" на крымчакском этнолекте с использованием еврейской графики (1901-1902 гг.). В том же ряду стоит переводческая деятельность нескольких учеников хахама Медини, переселившихся вслед за ним в Палестину в 1899 г., прежде всего Нисима Леви Чахчира.

В начале XX в. некоторые новации были внесены и в традиционно развитую систему общинной взаимопомощи и благотворительности. Заметной стала роль общественных деятелей нового поколения во главе с выпускником Виленского еврейского учительского института Исааком Кая.

Именно эти люди с целью изучения исторического прошлого крымчаков, их культурного наследия, анализа проблем социального, демографического, экономического характера провели в 1913 г. единственную в своем роде общинную перепись крымчаков. В предреволюционные годы Исаак Кая, Давид Мизрахи и Абрам Пейсах активно участвовали в публичной полемике с караимами об историческом прошлом евреев Крыма.

После установления в 1920 г. советской власти и провозглашения Крымской АССР общественно-политическая ситуация в Крыму кардинальным образом изменилась. Это самым непосредственным образом сказалось на этнокультурном развитии крымчаков, численность которых несколько сократилась в результате Гражданской войны, голода 1920-21 гг. и эмиграции. По данным переписи населения 1926 г. в СССР насчитывалось 6,4 тыс. крымчаков. В том числе в Крымской АССР - 6,0 тыс.⁴⁰

Уже в начале 20-х гг. перестала существовать традиционная общинная организация, включая систему общественной взаимопомощи и благотворительности. Под воздействием активной атеистической пропаганды, а то и прямого администрирования начался процесс массовой секуляризации. Перестали функционировать почти все синагоги крымчаков (последняя из них до конца 30-х гг. действовала в Карасубазаре). В соответствии с общегосударственным законодательством об отделении школы от церкви в 1921 г. были закрыты мидраши и карасубазарская талмуд-тора. Таким образом, была практически полностью разрушена система общественных институтов крымчаков, существовавшая до революции.

Одновременно началось создание принципиально новых светских структур на основах национально-культурной автономии (крымчакских клубов, культурно-просветительских обществ, школ). Их возглавили общественные деятели, выдвинувшиеся еще до революции (И.Кая, А. Пейсах и др.). По их инициативе в 1926 г. был проведен 1 Всекрымский съезд культурно-просветительских обществ и клубов крымчаков (КПОК), выдвинувший развернутую программу национально-культурного строительства. В соответствии с его решениями началась работа по реформе школьного образования, в основу которой был положен план создания литературного языка с использованием латинской графики. В конце 20-х гг. был выпущен крымчакский букварь и учебник для начальной школы. С 1930 г. все три крымчакские школы (в Симферополе, Карасубазаре и созданном при поддержке КОМЗЕТА и ОЗЕТА крымчакском сельсовете Табулды) перешли с русского на двуязычную основу обучения. Однако в результате резкого поворота национальной политики государства в середине 30-х гг. крымчакские клубы и культурно-просветительские общества были ликвидированы. В конце 30-х гг. закрылись и крымчакские школы.

Несмотря на активную работу по сохранению родного языка и светской культуры, которая велась до середины 30-х гг., развивавшийся процесс аккультурации достиг в межвоенный период значительных размеров. Уже при переписи 1926 г. около 25% крымчаков указали родным русский язык, а в середине 30-х гг. практически все молодое поколение при общении вне дома предпочитало не пользоваться крымчакским этнолектом⁴¹.

Существенным элементом аккультурации была и интенсивная интернационализация быта и духовной культуры, начавшаяся еще в до-

революционные годы и широко развернувшаяся после ликвидации общинной структуры, активной секуляризации, включения крымчаков в процессы социального обновления общества.

Одним из признаков изменения этнической ситуации в 20-30-х гг. было параллельное укрепление этногруппового, то есть крымчакского субэтнического самосознания и усиление тенденции к консолидации с ашкеназами в общих рамках еврейского этноса. Это проявилось в заметном увеличении браков между представителями двух общностей, в участии крымчаков в деятельности ряда еврейских общественных организаций (ОЗЕТА и др.). Характерно, что во время паспортизации населения СССР в 1932 г. часть крымчаков предпочла при выборе национальной принадлежности этноним "крымский еврей" или "еврей".

В период нацистской оккупации крымчаки пережили ужасающую по своим масштабам катастрофу. Около 70% из 8 тыс. крымчаков, проживавших до войны в СССР были уничтожены⁴². В живых остались лишь те, кто успел эвакуироваться вглубь страны или был призван в ряды армии.

Резкое сокращение общей численности, кардинальные изменения в половозрастной структуре (погибли прежде всего женщины, дети, старики), превращение крымчаков в крайне дисперсно расселенную группу (по данным переписи 1959 г. из 1,5 тыс. чел. лишь две трети проживали в крупных городах Крыма - Симферополе, Севастополе, Керчи и Феодосии) - все это создало ситуацию, которая объективно вела к дальнейшей активизации ассимиляционных процессов. К этому следует добавить глубокий этнопсихологический кризис, порожденный как размерами и характером потерь во время войны, так и отсутствием в послевоенный период каких-либо организованных форм национального существования.

Одним из проявлений этого стало и заметное усиление этносепаратистских тенденций, что внешне нашло отражение в заявлениях и коллективных письмах части крымчаков в конце 40- начале 50-х гг. с требованием признать наличие самостоятельной "крымчакской народности". Основной акцент в такого рода обращениях делался на желании изменить запись о национальной принадлежности в паспортах. В конце 1955 г. соответствующее постановление поддержал Верховный Совет СССР.

Хронологически это происходило на фоне резкого роста государ-

ственного антисемитизма конца 40-х - начала 50-х гг., включая широко циркулировавшие в начале 1953 г. слухи о предстоящей массовой депортации евреев. В этой связи напрашивается известная параллель с событиями в оккупированной нацистами Керчи в конце 1941 г., когда попытка отмежеваться от формальной принадлежности к евреям дала возможность спасти жизнь нескольким сотням крымчаков⁴³.

Как следствие роста этноразделительных тенденций, среди крымчаков стали нарастать стремления к созданию собственных институциональных форм общественной жизни. В начале 60-х гг. высказывались идеи возрождения крымчакских клубов. В 1963 г. по инициативе Е.А. Пейсаха при Совете содействия Государственному музею этнографии народов СССР была создана инициативная группа крымчаков, в которую вошло более двух десятков активистов из различных городов СССР. Поистине подвижническая работа этой группы и особенно ее руководителя - ленинградского экономиста Е.А. Пейсаха по поиску и сохранению культурного наследия крымчаков, пропаганде их исторического прошлого, включала и проведение разного рода общественных мероприятий, в том числе и традиционных ежегодных траурных собраний в память о массовом уничтожении крымчаков в годы войны (тхун). С другой стороны, Е.А. Пейсах в своих публичных выступлениях, письмах и обращениях, оставшихся в рукописях исследованиях и публикациях целенаправленно доказывал преимущественно автохтонное (и шире - нееврейское) происхождение крымчаков, существование их на протяжении веков как особой народности Крыма⁴⁴.

Среди самих крымчаков усилия Е.А. Пейсаха по распространению на уровне массового сознания "крымчакского этнического мифа" воспринимались далеко неоднозначно. Наряду с заметной поддержкой, существовала и устойчивая оппозиция, взгляды которой в инициативной группе наиболее последовательно отражали З.Я. Борохов и сын умершего в 1956 г. Исаака Кая Л.И. Кая. Но, так или иначе, в 60-70-х гг. наблюдался процесс явной этногрупповой консолидации крымчаков. Это, среди прочего, вытекает из анализа материалов всесоюзных переписей населения. Так, если в 1959 г. из более чем 2 тыс. крымчаков указали себя таковыми 1,5 тыс. чел., то в 1970 г. их было уже 1,8 тыс. Большинство остальных, судя по данным о родном языке, причисляли себя к евреям.

Но со второй половины 70-х гг., после ухуда из жизни многих

представителей старшего поколения, общественная активность, питаемая внутригрупповую консолидацию, заметно сократилась. Одновременно тенденции послевоенного этнического развития крымчаков: углубляющаяся аккультурация, ассимиляция с окружающим населением, как и слияние с евреями-ашкеназами - продолжали сохранять свое значение.

Ко второй половине 80-х гг. лишь отдельные лица старше 70 лет еще сохраняли активное владение крымчацким этнолектом крымско-татарского языка. Среди них в редуцированной форме бытуют и некоторые элементы традиционной духовной культуры⁴⁵. Одним из основных рычагов ассимиляции остаются смешанные браки, которые составляют большинство всех браков, заключаемых крымчаками в последние годы⁴⁶. Консолидации с ашкеназами способствуют довольно многочисленные случаи заключения браков между ними и крымчаками.

Стоит отметить, что несколько сотен крымчаков - потомков эмигрантов первой четверти XX в., расселенные в Израиле и США, уже практически утратили этнокультурную специфику и слились с местным еврейским населением⁴⁷. Все указывает на то, что для примерно 1,5 - 2 тыс. крымчаков в СССР (наиболее значительные их группы проживают сейчас в Симферополе, Севастополе, Керчи, Феодосии, Новороссийске, Сухуми, Москве и Ленинграде) ближайшие несколько десятилетий могут стать решающим этапом развития как специфической этнической общности.

Итак, рассматриваемая нами этническая общность, усвоившая во второй половине XIX в. в качестве самоназвания этноним "крымчаки", сформировалась в XI-XIII вв. на основе слияния еврейских мигрантов из Малой Азии и, в меньшей степени, из других регионов еврейской диаспоры, селившихся в Северном Причерноморье начиная с I в. до н.э., и смешивавшихся с иудейскими прозелитами из числа местного населения.

Модусом образования крымчаков - особого еврейского субэтноса с XI-XIII вв. - могло стать разделение еврейского населения Северного Причерноморья на последователей ортодоксального иудаизма - раббанитов и сектантов-караимов и аккультурация иноэтничным тюркоязычным большинством. Позднее, вплоть до конца XIX в. развитие крымчацкого субэтноса определялось влиянием культуры средневекового Крыма, а также интеграцией в его состав новых групп еврейских мигрантов эпохи развитого и позднего средневековья (романо-

нов, итальянских евреев, сефардов, ашкеназов и др.).

В XX в. с распадом традиционной формы этнического существования - иудейской общины, стали нарастать аккультурация и ассимиляция с русскоязычным большинством, консолидация с более многочисленными ашкеназами и, одновременно - тенденция к выделению в самостоятельный "крымчацкий" этнос. В основе этого лежали реалии этнического развития: дисперсность расселения, малочисленность и др., отягощенные с середины 30-х гг. отсутствием возможностей для сохранения этнической самобытности. Желание избежать надвигающегося исчезновения, а также стремление получить минимальные гарантии этносоциальной защиты стали основными причинами активизации этносепаратистских тенденций в 50-70-х гг.

¹ Лякуб П. Внутренний и общественный быт крымчаков // Гакармель /русское приложение/. 1866. № 48-50. С. 108-109; Гаркави А. Еще о крымчаках // Голос. СПб., 1866. № 85; Лякуб П. По поводу статьи А.Гаркави "Еще о крымчаках" // Там же. 1866. № 182.

² Вайсенберг С.А. Караимы и крымчаки с антропологической точки зрения // РАЖ. 1912. № 4. С. 40, 50. См. также: Дубнов С.М. Историческая тайна Крыма // ЕС. 1914. Т. VII. С. 2-3; Берлин И. Исторические судьбы еврейского народа на территории русского государства. Пг., 1919. С. 70-71; Маггид Д.Г. Евреи в Крыму // История еврейского народа. Т. XII. Кн. 2. М., 1921. С.100-101.

³ Дяченко В.П. Антропологичний склад українського народу. Київ, 1965. С. 97.

⁴ Крымчаки // БСЭ. 1973. Т. 13. С. 1540.

⁵ Корпус Боспорских надписей М.; Л., 1965. С. 77-80.

⁶ Надел Б. Ди Элсте Идише Ишувим Ин Мизрех Эйропе. Варше, 1961. С. 33-45 /на яз. идиш/.

⁷ См. в частности: Шюрер Э. Иудеи в Боспорском царстве и общества почитателей Бога Всевышнего // ЕС. 1916. Вып. 2-3. С. 138; Надел Б. Указ. соч. С. 62-78; Левинская И.А., Тохтасьев С.Р. Древнееврейские имена на Боспоре // Античная Балканистика, 6. Тезисы докладов. М., 1988. С. 28-29.

⁸ Мещерская Е.Н. Ленинградское отделение Российского Палестинского общества в 1985-1986 гг. // Палестинский сборник. Т. 29. Л., 1987. С. 194; Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия. Автореферат канд.ист.наук. М., 1984. С. 6.

⁹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феодана, "Бревиарий" Никифора. М., 1980, с. 60; Гаркави А. Еврейские надгробные памятники, найденные на Таманском полуострове // Еврейские записки. 1881. № 5. С. 315.

¹⁰ Берлин И. Указ. соч. С. 76; Sharf A. Byzantine Jewry. From Justinian to the Fourth Crusade. London, 1971. P. 18-21.

¹¹ Берлин И. Указ. соч. С. 94-103; Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954. P. 89-170.

12 Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 446; Jewish travellers, London, 1930. P. 67.

13 Аарон бен Иосиф Хамахбир. Евпатория, 1835. С. 146 /на яз. иврит/.

14 Козинский И.Ш., Полинская М.С. Об одном случае контактного взаимовлияния родственных языков // Возникновение и функционирования контактных языков. М., 1987. С. 56.

15 Филоненко В.И. Крымчакские этюды // RO. 1972. Т. XXXV. Z.11. С. 71; Москович В., Тукан Б. Эда Крымчаки // Пе'амим. 1982. № 14. С. 19-25 /на яз. иврит/; Самойлович А.Н. Названия дней недели у турецких народов // Сборник Яфетического института. Т. 2. Пг., 1928. С. 98-119.

16 Stepaniv J. L'époque de Danylo Romanowyc (Milieu du XIII siècle). D'après une source Karaite // HUS. Vol. 2. 1978. N 3. P. 345.

17 Harkavy A. Altjüdische Denkmäler aus der Krim. SPb., 1877. S. 230-232; Musso G.G. Gli Ebrei nel Levante genovese: Ricerche di archivio // La Berio. T. X. 1970. N 2. P. 24-25.

18 Гаркави А.Я. Изгнание евреев из Киева и других городов Литвы // И. 1900. № 5. С. 18; Торпусман А.Н. Антропология и межэтнические контакты народов Восточной Европы в средние века // Имя-этнос-история. М., 1989. С. 64.

19 Epstein M.A. The Ottoman Jewish Communities and their Role in the Fifteenth Century. Freiburg, 1980. P. 19-23. В Кафе численность еврейских домохозяйств возросла с 92 в 1520 г. до 134 в 1545 г. См.: Veinstein G. La population du sud de la Crimée au début de la domination Ottomane // Melanges en honn. de B.L.Barkan. Paris, 1980. P. 247; Fisher A. The Ottoman Crimea in the Mid-Seventeenth Century // HUS. Vol. 3-4 (1979-1980). N 1. P. 222.

20 Котлер И.Б. Фамилии крымчаков как источник их этнической истории // Малые и дисперсные группы в Европейской части СССР. М., 1985. С. 92.

21 Гаркави А.Я. Изгнание евреев из Киева... С. 18; ЕЭ. Т. VIII. СПб., б.г. С. 933.

22 Котлер И.Б. Указ. соч. С. 90; Вайсенберг С.А. Указ. соч. С. 50; Заболотный И. Группы крови у караимов и крымчаков // Вопросы биологии и патологии евреев. III. Л., 1930. С. 31.

23 Veinstein G. Op. cit. P. 240.

24 Дейнард Э. Масса Крим. Варшава, 1878. С. 122-124 /на яз. иврит/; Księgo podróży Ewliji Czelebiego (Wybor). Warszawa, 1969. S. 308.

25 Куповецкий М.С. Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // ГКЭТ. М., 1983. С. 82.

26 Дашкевич Я.Р. Армяно-кыпчацкий язык: этапы истории // ВЯ. 1983. № 1. С. 93.

27 Чернин В.Ю. О появлении этнонима "крымчак" и понятия "крымчакский язык" // ГКЭТ. М., 1983. С. 101.

28 Берлин И. Указ. соч. С. 130; Дейнард Э. Указ. соч. С. 16.

29 Полинская М.С., Чернин В.Ю. Терминология родства у крымчаков // Советская тюркология. 1988. № 3. С. 16.

30 Чернин В.Ю. Крымчакское произношение иврита // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч. 2. М., 1988. С. 166-174.

31 Лякуб П. Евреи-крымчаки // В. 1891. № 4-9; Кая И. Крымчаки // ЕС. 1916. Вып. 4. С. 399-403.

32 Куповецкий М.С. Указ. соч. С. 77, 82.

33 Цинберг С. Авраам Крымский и Моисей Киевский // ЕС. 1924. Т. XI. С. 108; Берлин И. Указ. соч. С. 193.

34 Цинберг С. Указ. соч. С. 108.

35 Бернштейн Ш. Хамахзор киминхаг Кафа // Сэфэр Йовэль лихвод Ш.К.Мир-ский. Нью-Йорк, 1958. С. 61-78 /на яз. иврит/.

36 Кая И. Указ. соч. С. 405.

37 Полинская М.С. К толкованию этнонима "крымчак" // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников Института Востоковедения АН СССР. Языкознание. М., 1988. С. 110; Чернин В.Ю. К появлению этнонима "крымчак"... С.94.

38 Полинская М.С. Крымчаки: к истории толкования этнонима // Проблемы ямковского варьирования и нормирования. М., 1988. С. 45-48; Чернин В.Ю. О некоторых пейоративных этнонимах у крымчаков // Там же. С. 137.

39 Куповецкий М.С. Указ. соч. С. 84.

40 Там же. С. 85.

41 Кая И. Крымчаки. Рукопись. 1936, с. 7 /личный архив Л.И.Кая, Симферополь/.

42 Пейсах Е. Крымчаки // СГ. 1974. № 7. С. 173 /на яз.идиш/.

43 Письма З.Я.Борохова к Л.И.Кая от 14.02 и 11.03 1965 г. /личный архив Л.И.Кая, Симферополь/.

44 Пейсах Е.А. К вопросу об этногенезе крымчаков. Рукопись. 1968 /личный архив Е.А.Пейсаха, Ленинград/; Крымчаки // БСЭ. 1973. Т. 13. С. 1540; Пейсах Е. Крымчаки. С. 172-174.

45 Чернин В.Ю. К истории появления этнонима "крымчак"... С. 98. При работе над данной статьей В.Ю.Черниным были предоставлены автору дневниковые записи полевых этнографических исследований крымчаков в Крыму в конце 70-х - начале 80-х гг. Ему, а также Я.Р.Дашкевичу и Р.М.Капланову хочется выразить искреннюю благодарность за помощь.

46 Куповецкий М.С. Указ. соч. С. 90; Крым многонациональный. Вопросы и ответы. Вып. 1. Симферополь, 1988. С. 39.

47 Краткая Еврейская энциклопедия. Т. 4. Иерусалим, 1988. С. 606.